

Рынок и форум

ТРИ РАЗНОВИДНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ¹

ЮН ЭЛЬСТЕР

ХОЧУ сравнить три представления о политике в целом и о демократии в частности. Сначала я рассмотрю теорию социального выбора как одну из разновидностей более широкого класса теорий, имеющих некоторые общие черты. В частности, эти теории разделяют представление о том, что политический процесс — это средство, а не самоцель, и о том, что политическое действие — это частный, а не общественный акт (например, индивидуальное и тайное голосование). Параллельно с этим обычно утверждается, что цель политики — оптимальный компромисс между имеющимися и непримиримо противоречащими друг другу частными интересами.

Две другие разновидности политической теории возникают, когда начинают отрицать, во-первых, частный характер политического поведения и, во-вторых, заходят еще дальше, отрицая инструментальную природу политики. Согласно теории Юргена Хабермаса, целью политики должен быть не компромисс, а рациональное согласие, и решающим политическим действием — участие в общественной дискуссии с целью достижения консенсуса. Согласно теоретикам «демократии участия», от Джона Стюарта Милля до Кэрол Пэйтман, целью политики является воспитание и преобразование ее участников. Политика, считают сторонники этой точки зрения, является самоцелью — многие даже утверждали, что она служит олицетворением благой жизни. Я рассмотрю три этих взгляда в обозначенном порядке. Я представлю их в несколько упрощенном виде, но, надеюсь, не настолько, чтобы моя критика создала воображаемого противника.

1. Перевод выполнен по изданию: © *Elster J.* The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory // *Foundations of Social Choice Theory* / J. Elster, A. Hultland (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 103–32.

Принято считать, что политика имеет дело с общественным благом, и особенно с теми случаями, когда его невозможно достичь путем суммирования действий индивидов, преследующих свои частные интересы. В частности, нескоординированные действия на основе множества индивидуальных выборов могут привести к последствиям худшим, чем те, которых можно было достичь в результате координации действий. Политические институты создаются как средство исправления таких «провалов рынка», понимаемых как в статическом смысле неспособности обеспечить общественные блага, так и в более динамическом — разрушения саморегулирующихся качеств, обычно приписываемых рыночному механизму². В дополнение к этому существует распределяющая задача политики — движение вдоль границы Парето-оптимальности, как только она была достигнута³. Согласно первому представлению о политике, эта задача по своей сути связана с борьбой интересов и достижением компромиссов. Препятствием для достижения согласия служит не только то, что большинство людей хотят перераспределения в свою пользу (по крайней мере, не к своей невыгоде)⁴. Более глубокая причина того, что достижение консенсуса блокируется, кроется в том, что люди расходятся в своих взглядах на то, что такое справедливое распределение.

Я намерен проанализировать теорию социального выбора как образец такого «частно-инструментального» представления о политике, потому что она очень хорошо демонстрирует логику и ограничения такого подхода. Другие версии таких представлений — например, шумпетеровские и неошумпетеровские

2. В своей более ранней работе я называю эти два варианта провалов рынка соответственно *субоптимальностью* и *контрфактальностью*, связывая их обоих с коллективным действием; см.: *Elster J. Leibniz et la Formation de l'Esprit Capitaliste*. Paris: Aubier-Montaigne, 1975. Ch. 5.
3. Это упрощение. Во-первых, как было показано Самуэльсоном (*Samuelson P. The evaluation of real national income // Oxford Economic Papers*. January 1950. Vol. 2. №1. P. 1–29), могут быть политические ограничения, препятствующие достижению Парето-эффективной границы. Во-вторых, само существование некоторых точек, которые Парето-превосходят статус-кво, но включают разные выгоды для участников, может блокировать достижение какой-либо из них.
4. Хаммонд (*Hammond P. J. Why ethical measures need interpersonal comparisons // Theory and Decision*. October 1976. Vol. 7. Issue 4. P. 263–274) предлагает полезный анализ последствий эгоистических предпочтений для распределения доходов, показывая, что «без межличностных сравнений какого-то рода любое социальное ранжирование предпочтений в пространстве возможных распределений дохода должно быть диктаторским».

теории — ближе к реальному политическому процессу и именно поэтому менее подходят для моих целей. Например, тезис Шумпетера о том, что предпочтения электората формируются и являются объектом манипуляции со стороны политиков⁵, затемняет ключевое для моего анализа различие между политикой как суммой имеющихся предпочтений и политикой как трансформацией предпочтений с помощью рациональной дискуссии. И хотя неошумпетерианцы справедливо подчеркивают роль политических партий в аккумуляции предпочтений⁶, я не затрагиваю здесь эти посредствующие механизмы. В любом случае политические проблемы также возникают внутри политических партий, и мои утверждения могут быть применены к таким политическим процессам низшего уровня. Вообще-то многое из того, что будет мной сказано, более применимо к политике меньших масштабов — внутри фирмы, организации или местного сообщества, чем к национальным политическим системам.

В самых общих чертах структура теории социального выбора такова⁷. 1) Мы начинаем с *данной* совокупности агентов, так что вопрос нормативного обоснования политических границ не возникает. 2) Мы предполагаем, что агенты имеют *данный* набор альтернатив, так что, например, проблема манипуляции повесткой дня не возникает. 3) Предполагается, что агенты имеют предпочтения, которые также просто *даны* и не меняются в ходе политического процесса. Более того, предпочтения каузально независимы от набора альтернатив. 4) В стандартной (и пока единственной работающей) версии теории предпочтения считаются чисто ординальными, так что индивид не может выразить интенсивность своих предпочтений, а внешний наблюдатель — сравнить интенсивность предпочтений разных индивидов. 5) Мы предполагаем, что для каждой пары индиви-

5. По словам Шумпетера (*Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 348), «воля народа есть продукт, а не движущая сила политического процесса». Не следует, однако, заключать, как это делает Лайвели (*Lively J.* Democracy. Oxford: Blackwell, 1975), что Шумпетер тем самым отказывается от аналогии с рынком, поскольку, с точки зрения Шумпетера (*Schumpeter J.* Business Cycles. NY: McGraw-Hill, 1939. P. 73), потребительские предпочтения не в меньшей мере могут быть объектом манипуляции (с некоторыми ограничениями, описанными в: *Elster J.* Explaining Technical Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. Ch. 5).

6. См. в особенности: *Downs A.* An Economic Theory of Democracy. NY: Harper, 1957.

7. См. подробнее: *Эрроу К. Дж.* Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2004; *Sen A. K.* Collective Choice and Social Welfare. San Francisco: Holden-Day, 1970 и *Kelly J.* Arrow Impossibility Theorems. NY: Academic Press, 1978, а также раздел, написанный Хюлландом в: *Foundations of Social Choice Theory* / J. Elster, A. Hylland (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1986..

дов предпочтения являются определенными и завершенными и обладают формальным свойством транзитивности — то есть если А предпочтительнее В, а В предпочтительнее В, то тем самым А предпочтительнее В.

В рамках этой структуры задачей теории социального выбора является ранжирование предпочтений относительно тех или иных альтернатив. Может показаться, что требуется нечто большее: почему не определить цель как выбор одной из альтернатив? Обычно, однако, имеется некоторая неопределенность относительно того, какие альтернативы реально достижимы, так что полезно иметь ранжирование на тот случай, если наиболее предпочтительные альтернативы окажутся недостижимыми. Ранжирование должно удовлетворять следующим критериям: 6) Как и индивидуальные предпочтения, оно должно быть полным и транзитивным. 7) Оно должно быть Парето-оптимальным, в том смысле, что не существует одной альтернативы, которая была бы предпочтительна перед другой для общества в целом и при этом оставалась индивидуально предпочтительной для каждого. 8) Социальный выбор между двумя данными альтернативами должен зависеть только от того, как индивиды ранжируют эти два варианта, и не зависеть от изменений их предпочтений относительно других альтернатив. 9) Социальное ранжирование предпочтений должно отражать и уважать индивидуальные предпочтения даже более, чем это делают условия Парето-оптимальности. Это положение включает в себя многое; наиболее важными здесь являются условия *анонимности* (все индивиды должны выступать как равные), *отсутствия диктатуры* (ни один индивид не должен диктовать социальный выбор), *либерализма* (все индивиды должны иметь частную сферу, в рамках которой их предпочтения являются решающими) и *устойчивости к стратегическому манипулированию* (выражение ложных предпочтений не должно вознаграждаться).

Содержание теории социального выбора выражается группой теорем о «невозможности» и «уникальности», каждая из которых либо утверждает, что невозможно одновременно удовлетворить данный набор предпочтений, либо описывает уникальный метод суммирования предпочтений. Теоремам невозможности было уделено много внимания, но для нас сейчас они не очень важны. Они в основном основываются на недостаточности имеющейся информации о предпочтениях, в связи с исключительным вниманием к порядковым предпочтениям⁸. Действительно, в настоящее время мы еще толком не зна-

8. Ср.: D'Aspremont C., Gevers L. Equity and the informational basis of collective choice // Review of Economic Studies. October 1977. Vol. 44. P. 199–210.

ем, как выйти за пределы порядковости. Оказание взаимных услуг и торговля голосами могут помочь выразить некоторые из порядковых аспектов предпочтений, но не без некоторых проблем⁹. Но даже если концептуальные и технические проблемы для внутриличностных и межличностных сравнений интенсивности предпочтений будут преодолены¹⁰, многие возражения против теории социального выбора все равно останутся.

Я намерен осветить два типа таких возражений, относящихся к постулированию предпочтений как данных. Я попытаюсь показать, во-первых, что предпочтения, которые люди выражают, не всегда хорошо демонстрируют то, что они действительно предпочитают; и, во-вторых, что то, что они действительно предпочитают, может быть лишь шатким основанием для социального выбора.

В реальной жизни предпочтения никогда не «даны», в том смысле, что они не могут быть непосредственно наблюдаемы. Для того чтобы служить началом процесса социального выбора, они должны быть как-то *выражены* индивидами. Выражение предпочтений есть действие, которое предположительно направляется теми же предпочтениями¹¹. Но тогда далеко не очевидно, что индивидуально рациональным действием является выражение предпочтений такими, как они есть. Некоторые методы суммирования предпочтений таковы, что для индивида может быть выгодно выразить ложные предпочтения, то есть результат в плане реальных предпочтений может в некоторых случаях быть лучше, если не выражать их честно. Условие устойчивости к стратегическому манипулированию для механизмов социального выбора было выработано специально для того, чтобы исключить такую возможность. Однако случается, что системы, в которых честность всегда выгодна, оказываются довольно непривлекательными в других отношениях¹². Получается, что мы должны признать возможность того, что, даже если

9. Riker W., Ordeshook P. C. An Introduction to Positive Political Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1973. P. 112–111.

10. Ср. разделы, написанные Дональдом Дэвидсоном и Алленом Гиббардом в: Foundations of Social Choice Theory.

11. Вероятно (но не очевидно), потому что актер может иметь несколько ранжирований предпочтений и основываться на предпочтениях высшего порядка для определения того, какие из предпочтений первого порядка следует выражать, как это предполагается в работе: Sen A. K. Liberty, unanimity and rights // *Economica*. 1976. Vol. 43. P. 217–245.

12. Паттанаик (Pattanaik P. Strategy and Group Choice. Amsterdam: North-Holland, 1978) дает обзор известных результатов. Единственным «стратегически устойчивым» механизмом социального выбора оказывается диктаторский (у диктатора нет никаких причин искаженно выражать свои предпочтения) и один из случайных — приравнивание вероятности того, что

мы потребуем, чтобы социальные предпочтения были Парето-оптимальны по отношению к выраженным предпочтениям, они, то есть социальные предпочтения, могут оказаться не оптимальны по отношению к предпочтениям реальным. Устойчивость к стратегическому манипулированию и коллективная рациональность живут и умирают вместе. Поскольку получается, что первая должна пасть, то же постигнет и вторую. Но тогда становится очень трудным защищать представление о том, что результат социального выбора выражает общее благо, поскольку есть возможность, что все предпочли бы другой результат.

Амос Тверски указал на другую причину того, почему выбор — или выраженные предпочтения — не могут однозначно восприниматься как выражение реальных предпочтений во всех случаях¹³. Согласно «гипотезе скрытых предпочтений», выбор часто не выявляет, а скрывает предпочтения. Это особенно проявляется в двух типах ситуаций. Во-первых, это случаи предвиденного сожаления, связанного с рискованным решением. Рассмотрим следующий пример, предложенный Тверски:

Когда Джуди исполнилось двенадцать лет, ей был предложен выбор: провести уик-энд в городе вместе со своей тетей (Г) или устроить вечеринку для всех ее друзей. Вечеринка могла быть организована либо в саду (ВС), либо в доме (ВД). Вечеринка в саду была бы намного более приятна, но мог пойти дождь, и в этом случае было бы более разумно устроить вечеринку дома. Оценивая три эти возможности, Джуди замечает, что погодные условия не влияют существенно на Г. Но если она выбирает вечеринку, то все обстоит по-другому. Вечеринка в саду доставит много радости, если погода будет хорошей, но будет обречена на провал, если пойдет дождь, в каком случае вечеринка в доме будет вполне приемлемой. Беда в том, что Джуди предвидит, как она будет сожалеть, если вечеринка будет дома, а погода окажется хорошей.

Теперь предположим, что по каким-то причинам возможность устроить вечеринку в саду исключается. В этом случае вечеринка дома при хорошей погоде не вызовет никаких сожалений, поскольку теперь у Джуди все равно нет другого места для нее. Поэтому устранение возможного варианта действий (устройства вечеринки в саду) позволяет избежать сожалений, связанных с вечеринкой дома, и увеличивает ее ценность. В таком случае разумно полагать, что если для Джуди Г и ВД были одинаково ценны при наличии ВС, то, когда ВС более не существует, ВД она предпочтет Г.

данный вариант будет выбран к пропорции избирателей, имевших его в качестве первого выбора.

13. *Tversky A. Choice, preference and welfare: some psychological observations. Paper presented at a colloquium on «Foundations of social choice theory», Ustao-set (Norway), 1981.*

Мы видим здесь нарушение условия (8), так называемой независимости от иррелевантных альтернатив. Выраженные предпочтения каузально зависят от набора альтернатив. Мы можем постулировать, что реальные предпочтения, определенные через набор возможных результатов, остаются постоянными в противоположность случаю, который будет рассмотрен ниже. Но предпочтения по отношению к *парам* (выбор, результат) зависят от набора возможных вариантов выбора, потому что «цена ответственности», по-разному связанная с различными такими парами, зависит от того, «что еще можно было бы сделать». Хотя Джуди не могла бы избежать затруднения, нарочно сделав вечеринку в саду невозможной¹⁴, она могла бы обрадоваться событию, которое она не контролировала за пределами ее возможности управления, которое привело бы к тому же результату.

Второй класс ситуаций, в которых Тверски разграничивает реальные и выраженные предпочтения, касается решений не рискованных, но неприятных. Например, «общество может предпочесть спасти жизнь одного человека, пожертвовав другим, но не может решить, кого спасти». Фактически потерю двух жизней из-за бездействия могут предпочесть потере одной жизни из-за намеренного действия. Эти примеры тесно связаны с проблемами соотношения «утилитаризма действий» и «утилитаризма правил»¹⁵. Человек вполне может считать желательным достижение состояния А и в то же время не желать быть тем, благодаря кому оно наступит. Причина этого может быть уважительной, а может и не быть. Последнее возможно в том случае, когда человек боится обвинений со стороны родственников того человека, которого сознательно обрекли на смерть, или просто если он путает каузальную и моральную ответственность. В таких случаях выраженные предпочтения могут вести к выбору, который явно идет против реальных предпочтений участников ситуации.

Вторая, вероятно, более фундаментальная трудность — в том, что реальные предпочтения могут сами каузально зависеть от на-

14. Ср.: *Elster J. Ulysses and the Sirens*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. Ch. II или *Schelling T. C. The intimate contest for self-command // The Public Interest*. Summer 1980. Vol. 60. P. 94–118: идея сознательного ограничения набора осуществимых возможностей для того, чтобы сделать некоторое нежелательное поведение невозможным в будущем. Причина того, почему это здесь не работает, в том, что сожаление не было бы устранено.

15. Ср., напр.: *Williams B. A. O. A critique of utilitarianism // Utilitarianism: For and Against / J. J. C. Smart, B. A. O. Williams*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. P. 77–150 или *Sen A. K. Utilitarianism and welfarism // Journal of Philosophy*. 1979. Vol. 76. P. 463–488.

бора достижимых альтернатив. Один из таких случаев проиллюстрирован басней о лисе и зеленом винограде¹⁶. Для порядкового утилитариста, каким называет себя Кеннет Эрроу¹⁷, для лисы нет никакой потери, если не дать ей винограда, так как она и так посчитала его зеленым. Но, конечно же, причиной того, что она посчитала его зеленым, было ее убеждение в том, что винограда в любом случае не достать, так что трудно обосновать распределение винограда, ссылаясь на предпочтения лисы. Противоположный случай «контрадаптивных предпочтений» — у соседей трава всегда зеленее и запретный плод всегда слаще — также ставит в тупик теоретика социального выбора, так как подразумевает, что если уважать такие предпочтения, то они не будут удовлетворены, а ведь весь смысл уважения подобных предпочтений был в том, чтобы дать возможность удовлетворения их.

Адаптивные и контрадаптивные предпочтения являются только особыми случаями более общего класса желаний, которые не удовлетворяют некоторому содержательному критерию приемлемых предпочтений, в противоположность чисто формальному критерию транзитивности. Я намерен проанализировать два таких критерия: автономию и мораль.

Автономия характеризует способ, каким формируются предпочтения, а не их конкретное содержание. К сожалению, я не в состоянии дать позитивное определение автономных предпочтений, так что я буду полагаться на два не прямых подхода. Во-первых, автономия для желаний есть то же, что и суждение для представлений. Понятию суждения также трудно дать формальное определение, но мы по крайней мере знаем, что есть люди, наделенные способностью суждения в большей степени, чем другие: это люди, которые могут принять во внимание множество разнообразных обстоятельств, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме, таким образом, что никакому из ее элементов не будет придано ненадлежащего значения. В таких людях процесс формирования представлений не нарушен когнитивными дефектами, пустыми размышлениями и т. д. Сходным образом, автономные предпочтения — это те, которые не сформированы иррелевантными каузальными процессами (исключительно бесполезное объяснение...). Чтобы немного улучшить его, рассмотрим небольшой список таких иррелевантных каузальных процессов. Они включают адаптивные и контрадаптивные предпочтения, конформизм и антиконформизм,

16. Ср.: *Elster J. Sour Grapes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. Ch. III, где обсуждается это понятие.

17. *Arrow K. Some ordinalutilitarian notes on Rawls's theory of justice // Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70. P. 245–263.

увлечение всем новым и одинаково неразумное сопротивление новому. Другими словами, предпочтения могут быть сформированы приспособлением к возможному, к тому, что делают другие люди, или к тому, что человек сам делал в прошлом, — или желанием как можно больше отличаться от всего перечисленного ранее. Во всех этих случаях источник предпочтений не в самой личности, но извне — что подрывает ее автономию.

Мораль, несомненно, есть нечто еще более спорное. В рамках кантианской традиции будет даже поставлено под сомнение, может ли она вообще отличаться от автономии. Предпочтения моральны или аморальны в силу своего содержания, а не способа, каким они были сформированы. Вполне бесспорными примерами неэтичных предпочтений являются злорадные или садистские желания и, вероятно, также желание иметь «позиционные блага», то есть такие блага, обладать которыми по определению могут лишь немногие¹⁸. Желание иметь доход вдвое выше среднего может (в случае реализации) привести к снижению уровня благосостояния для всех, так что такие желания не проходят кантовский тест на универсализацию¹⁹. И они также тесно связаны с недоброжелательностью, ибо один из способов получить больше, чем другие, — сделать так, чтобы они получили меньше; и нередко это оказывается более эффективным методом, чем попытка превзойти их²⁰.

Чтобы показать, как можно отличить недостаточную автономию от недостаточной нравственной ценности, я буду использовать *конформность* как термин для обозначения желания, вызванного стремлением быть как все, и *конформизм* для желания быть как все (а также аналогично определенные понятия антиконформности и антиконформизма). Конформность предполагает, что желания других людей вторгаются в сферу формирования моих желаний, конформизм — что они неизбежно входят в описание объекта моих желаний. Конформность может повлечь за собой конформизм, но может также вести и к анти-

18. Hirsch F. Social Limits to Growth. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976.

19. Хаавельмо (Haavelmo T. Some observations on welfare and economic growth // Induction, Growth and Trade: Essays in Honour of Sir Roy Hurrod/W. A. Eltis, M. Scott, N. Wolfe (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 1970. P. 65–75) предлагает модель, в которой каждый теряет в благосостоянии, пытаясь угнаться за соседями.

20. Можно принимать достижения других в качестве параметра, а свои как контролируемую переменную или, наоборот, пытаться манипулировать достижениями других так, чтобы они были меньше своих. Первый из этих способов получения позиционных благ явно вызывает менее возражений, чем второй, но все же он менее чист, чем не делающее никаких сравнений желание достичь некоторого уровня совершенства.

конформизму, как в замечании Теодора Зелдина о том, что среди французских крестьян «престиж в большой степени обусловливался следованием традициям, так что от сына нонконформиста ожидалось, что он тоже будет нонконформистом»²¹. Ясно, что конформность может повлечь желания в нравственном отношении похвальные, но недостаточно автономные. Напротив, я не вижу как можно априорно исключить возможность автономного недоброжелательства, хотя я бы приветствовал доказательство того, что автономия несовместима не только с антиконформностью, но и с антиконформизмом.

Теперь можно сформулировать возражение политическим представлениям, лежащим в основе теории социального выбора. В сущности, это то, что она воплощает путаницу между поведением, уместным на рынке и не уместным на форуме. Понятие суверенности потребителя приемлемо потому и до той степени, что потребитель выбирает между вариантами действий, которые отличаются только тем, как они влияют на него. Однако в ситуациях политического выбора от гражданина требуется выразить предпочтения относительно состояний, которые отличаются по тому, как они влияют на других людей. Это означает, что нет аналогичного обоснования для соответствующего понятия суверенитета гражданина, так как другие люди могут на законном основании возразить против социального выбора, основанного на предпочтениях, ущербных в тех отношениях, какие я описал. Механизмы социального выбора могут решить проблемы «фиаско рынка», возникающие в силу неограниченного суверенитета потребителей, но как способ распределения благосостояния они безнадежно неадекватны. Если бы люди влияли друг на друга, только наступая на ноги или сваливая мусор на участок соседа, механизм социального выбора с этим бы справился. Но задачей политики является не только ликвидация неэффективности, но и реализация справедливости — цель, для которой суммирование *до*-политических предпочтений является неадекватным средством.

Это наводит на мысль о том, что принципы форума отличны от принципов рынка. Древняя традиция, идущая еще от греческих полисов, полагает, что политика должна быть открытой и публичной деятельностью, в отличие от изолированного, частного выражения предпочтений, происходящего при покупке и продаже. В следующих разделах я рассмотрю две различные концепции публичной политики, все более отличающиеся от «рыночной» политической теории. Но перед этим я хочу

21. Zeldin T. France 1848–1945. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 1973. P. 134.

вкратце остановиться на возражении сказанному, которое мог бы сделать теоретик социального выбора. Он мог бы заявить, что единственной альтернативой суммированию имеющихся предпочтений является цензура или патернализм. Он может согласиться с тем, что злонамеренные и адаптивные предпочтения нежелательны, но добавить, что любой институциональный механизм для их ликвидации подвергся бы злоупотреблениям и служил бы частным целям рвущихся к власти индивидов. Лекарство оказалось бы хуже болезни. Это возражение принимает на веру, что (i) единственной альтернативой суммированию данных предпочтений является цензура и (ii) что цензура всегда нежелательна. Роберт Гудин в своей работе «Отмывая предпочтения» ставит под сомнение второе положение, доказывая, что «отмывание» или «фильтрация» предпочтений с помощью самоцензуры есть допустимая альтернатива аккумуляции имеющихся предпочтений. Я же сейчас намереваюсь обсудить вызов первому положению, а именно идею *трансформации* предпочтений посредством публичной и рациональной дискуссии.

II

Сегодня этот взгляд ассоциируется преимущественно с работами Юргена Хабермаса об «этике дискурса» и «идеальной речевой ситуации». Как я уже отметил выше, я намерен представить стилизованную версию идей Хабермаса, хотя, надеюсь, некоторое сходство с оригиналом останется²². Ядром этой теории является идея о том, что политическая система должна не суммировать, или фильтровать, предпочтения, но изменять их через публичные дебаты и противоборство. Таким образом, на входе механизма социального выбора окажутся не «сырые», вполне вероятно, эгоистичные или иррациональные предпочтения, но просвещенные и неэгоистичные. Или, скорее, не будет нужды в механизме агрегирования предпочтений, поскольку рациональная дискуссия станет порождать единодушие в предпочтениях. Когда частные и специфические желания будут очищены и переформированы в публичной дискуссии об общем благе, появятся одинаковые, определенные и рациональные желания. Не оптимальный компромисс, но единодушное согласие — цель политики, согласно этим взглядам.

22. Я опираюсь в основном на: *Habermas J. Diskursethik — notizen zu einem Begründungsprogram*. Mimeographed, 1982. Я также благодарю Хельге Хойбраттена, Руне Слагстада и Гуннара Скирбекка за терпеливое разъяснение мне различных аспектов теории Хабермаса.

Представляется, что в основе этой теории лежат два положения. Первое — то, что некоторые доводы просто не могут быть высказаны публично. Во время политических дебатов невозможно доказывать, что данное решение следует выбрать потому, что оно хорошо для оратора. Самим актом участия в публичных дебатах — доказывая, а не торгуясь — человек исключает возможность использования подобных аргументов²³. Участие в дискуссии может рассматриваться как род самоцензуры, как данное заранее выражение приверженности идее рационального решения. Могут сказать, что этот вывод слишком сильный. Первый аргумент показывает только то, что в публичных дебатах нужно на словах изображать некоторую приверженность общему благу.

Второе положение заключается в том, что со временем соображения об общем благе повлияют на участника дискуссий. Невозможно бесконечно восхвалять общее благо *du bout des levres*²⁴, ибо — как доказывал Паскаль в контексте своего пари, — начав изображать предпочтения, кончишь тем, что на самом деле примешь их²⁵. Это не концептуальное, а психологическое утверждение. Чтобы объяснить, почему, упражняясь в рациональной дискуссии, сам начнешь верить в то, что говоришь, можно сказать, что люди склонны к тому, чтобы приводить к согласию то, что они говорят, и то, что имеют в виду, чтобы уменьшить диссонанс. Но в нашем контексте это опасный аргумент. Уменьшение диссонанса не порождает автономные предпочтения. Скорее, для того чтобы разрушить предрассудки и эгоизм, следует применять силу разума. Говоря голосом разума, человек сам также подвергает себя критике разума.

Суммирую: концептуальная невозможность выражения эгоистических аргументов в дебатах об общем благе и психологическая трудность выражения заботы о других без того, чтобы не усвоить ее, совместно приводят к тому, что общественная дискуссия способствует общественному благу. *Volonté générale*²⁶ тогда будет не просто Парето-оптимальной реализацией данных (или выраженных) предпочтений²⁷, но результатом предпочтений, сформированных заботой об общем благе. Например, простое суммирование имеющихся предпочтений может учесть

23. Midgaard K. On the significance of language and a richer concept of rationality // *Politics as Rational Action* / L. Lewin, E. Vedung (Eds.). Dordrecht: Reidel, 1980. P. 83–97.

24. Неискренне, букв.: на кончике губ (фр.). — Прим. пер.

25. По поводу аргумента Паскаля см: Elster J. Ulysses and the Sirens. Ch. II.

26. Общая воля (фр.), выражение Ж.-Ж. Руссо. — Прим. пер.

27. Как полагают авторы статьи: Runciman W. G., Sen A. Games, justice and the general will // *Mind*. 1965. Vol. 74. P. 554–562.

некоторые негативные экстерналии, но не те, которые влияют на будущие поколения. Механизм социального выбора может предотвратить выбрасывание мусора во двор соседей, но не загнивание будущего. Более того, соображения распределительной справедливости в рамках Парето-ограничения теперь получают более прочное основание, особенно когда можно будет также избежать проблемы устойчивости к стратегическому манипулированию. Одним ударом можно достичь и более рациональных предпочтений, и гарантии того, что они действительно будут выражены.

Теперь я хочу выдвинуть ряд возражений против описанных выше взглядов. Я должен объяснить, что целью этой критики является не разрушение теории, но выявление некоторых пунктов, которые должны быть укреплены. Вообще-то я в целом симпатизирую фундаментальным положениям этой теории, но боюсь, что она может быть расценена как утопическая, как в смысле игнорирования проблемы того, как достигнуть описываемое ею состояние, так и в смысле пренебрежения некоторыми элементарными фактами человеческой психологии.

Первое возражение предполагает необходимость вновь обратиться к проблеме патернализма. Не будет ли на самом деле необоснованным вмешательством в жизнь людей — навязывать гражданам участие в политической дискуссии? Могут ответить, что есть связь между правом голоса на выборах и обязанностью участия в дискуссии, так же как правам соответствуют обязанности в других случаях. Чтобы приобрести право голоса, необходимо выполнять некоторые гражданские обязанности, которые представляют собой нечто большее, чем нажатие «кнопки для голосования» на телевизоре. В основе этого ответа лежат две разные идеи. Во-первых, то, что право голоса должны иметь только те, кого достаточно волнуют проблемы политики, чтобы он пожелал уделить ей часть своих ресурсов и прежде всего времени. Во-вторых, то, что следует поощрять *просвещенные* предпочтения в качестве вклада в процесс голосования. Первый аргумент поощряет участие и дискуссии как проявление интереса, но не придает ей инструментальной ценности самой по себе. Согласно логике этого аргумента, можно было бы потребовать, чтобы люди платили за право избирать. Второй аргумент одобряет дискуссии как средство к улучшению — она позволит не только отобрать «нужных» людей, но и сделает их более подготовленными для участия в политике.

Эти доводы могут быть достаточно убедительными в почти идеальном мире, в котором озабоченность политикой распределена более-менее равномерно, но в реальном мире они не работают. Люди, которые преодолеют высокий порог для

участия, сконцентрированы в привилегированных слоях населения. Так что в лучшем случае все это приведет к патернализму, в худшем — высокие идеи рациональной дискуссии приведут к созданию самоизбранной элиты, члены которой тратят время на политику потому, что хотят власти, а не потому, что их волнуют обсуждаемые вопросы. Как и в других случаях, которые будут рассмотрены ниже, лучшее может оказаться врагом хорошего. Я не говорю, что невозможно создать такой идеал, который бы допускал и рациональную дискуссию, и участие в меньшей степени, — просто любой дизайн институтов должен учитывать неизбежность компромисса между этими двумя целями.

Мое *второе возражение* заключается в том, что, даже при наличии неограниченного времени для дискуссии, всеобщее и рациональное согласие может быть и не достигнуто. Разве не могут быть обоснованные и неразрешимые различия мнений о природе общего блага? Разве не может быть даже плюрализм высших ценностей?

Я не собираюсь обсуждать это возражение в подробностях, так как в любом случае его предвосхищает *третье возражение*. Поскольку в реальности время для дискуссии всегда ограничено, — часто тем сильнее, чем важнее обсуждаемые проблемы, — единодушие будет возникать редко. Для любого же сочетания предпочтений, отличающегося от единогласного, будет необходим механизм социального выбора для их агрегирования. Обсуждать можно лишь какое-то время, а затем придется принимать решение, даже если остаются большие расхождения во мнениях. Это возражение, таким образом, пытается показать, что трансформация предпочтений может только дополнить агрегацию предпочтений, но никогда не сможет заменить ее.

Несомненно, большинство сторонников обсуждаемой теории с этим согласятся. Да, действительно, скажут они, даже если идеальная речевая ситуация никогда полностью недостижима, результаты политического процесса улучшатся, если мы будем к ней приближаться. *Четвертое возражение* ставит это под сомнение. В некоторых случаях «немного дискуссии» может быть опасным, хуже, чем никакой дискуссии вообще; например, если это объединяет некоторых, но не всех участников в понимании общего блага. Следующий пример иллюстрирует это:

Однажды два мальчика нашли торт. Один из них сказал: «Прекрасно! Я съем этот торт!» Другой возразил: «Нет, это нечестно! Мы нашли его вместе и должны разделить поровну, половину тебе и половину мне». Первый мальчик ответил: «Нет! Весь торт мой!» Мимо проходил взрослый и сказал: «Джентльмены,

не стоит вам драться из-за этого. Вам нужен компромисс. Дай ему три четверти торта»²⁸.

Трудность здесь создает то, что в механизме социального выбора, предложенном взрослым, предпочтения первого мальчика учитываются дважды: один раз в его выражении их, другой — в интернализированной вторым мальчиком этике распределения. Можно утверждать, что данный результат хуже, чем тот, который получился бы, если бы оба мальчика выражали эгоистические предпочтения. Когда Адам Смит писал о том, что ему неизвестны случаи, когда те, кто любит трудиться во имя общего блага, сделали бы много хорошего, он мог иметь в виду вред, приносимый *односторонними* попытками действовать нравственно. Целям самого категорического императива могут нанести ущерб люди, действующие на основе его односторонне²⁹. Также к плохому результату может привести дискуссия, порождающая частичную приверженность морали всех участников, а не полную у одних и никакую у других, как в истории с мальчиками. Так, Серж Кольм доказывает, что экономики с умеренно альтруистичными акторами работают хуже, чем те, где либо все эгоистичны, либо все альтруистичны³⁰.

Пятое возражение ставит под сомнение неосознанное представление о том, что политическое сообщество в целом лучше или мудрее, чем сумма его частей. Разве не может быть так, что люди, взаимодействуя политически, станут не менее, а более эгоистичными и иррациональными? Аналогия с когнитивными процессами свидетельствует в пользу этого: на рациональность представлений интеракция может оказать как позитивное, так и негативное воздействие. С одной стороны, существует то, что Ирвинг Дженис назвал группомыслием (*group-think*), то есть взаимно усиливающаяся коллективная предвзятость³¹. С другой стороны, несомненно, есть много путей, какими люди обогащают представления друг друга и совместно приходят к лучшему пониманию³². Сходным образом, автономия и мораль могут быть как

28. Smullyan R. This Boot Needs No Title. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1980. P. 56.

29. Sobel J. H. «Everyone», consequences and generalization arguments // Inquiry. 1967. Vol. 10. P. 373–404.

30. Kolm S.-C. Altruismes et efficacites // Social Science Information. 1981. Vol. 20. P. 293–354; *Idem*. Efficacite et altruisme // Revue Economique. 1981. Vol. 32. P. 5–31.

31. Janis I. Victims of Group-Think. Boston: Houghton Mifflin, 1972.

32. Ср.: Hogarth R. M. Methods for aggregating opinions // Decision Making and Change in Human Affairs / H. Jungermann, G. de Zeeuw (Eds.). Dordrecht: Reidel, 1977. P. 231–256 и Lehrer K. Consensus and comparison. A theory of social rationality // Foundations and Applications of Decision Theo-

усилены, так и подорваны в результате взаимодействия. Пессимистическому мнению Райнхолда Нибура о том, что люди в группе демонстрируют более разнузданный эгоизм, чем индивидуально³³, противостоит оптимистический взгляд Ханны Арендт:

Вера американцев базировалась не на полурелигиозной вере в природу человека, но, напротив, на возможности контролировать индивидуальную природу человека с помощью связей между людьми и взаимных обещаний. Надежда человека в его единственности кроется в том, что не человек, но люди населяют Землю и создают человеческий мир. Именно принадлежность человеческому миру спасет людей от западни природы человека³⁴.

Мнение Нибура основано на аристократическом презрении к *массе*, которая превращает достойных по отдельности людей в бездумное стадо. В целом такой взгляд должен быть отвергнут, но надо избегать и другой крайности, выраженной Арендт. Ни греческие, ни американские собрания не были образцами дискурсивного разума, какими она их изображает. Греки прекрасно понимали, что могут подвергнуться манипулированию демагогов, и принимали детально разработанные меры против этого³⁵. Американские городки не всегда были воплощением общественной свободы, поскольку случалось так, что они становились и ареной охоты на ведьм. Само решение участвовать в рациональной дискуссии еще не обеспечивает того, что все взаимодействия будут осуществляться рационально — многое зависит от организационной структуры. Беспорядочные ошибки эгоистичных частных предпочтений способны до некоторой степени взаимопогашаться; поэтому их можно бояться меньше, чем крупных, скоординированных ошибок, могущих возникнуть на основе группомыслия. С другой стороны, было бы слишком глупо надеяться на то, что взаимно компенсирующиеся пороки будут, как правило, порождать общественные блага. Я высказываюсь здесь не против необходимости общественной дискуссии, но лишь за то, чтобы проблемы институционального и конституционного дизайна принимались во внимание очень серьезно.

Шестое возражение состоит в том, что единодушие, даже если будет реализовано, легко может возникнуть благодаря конформности, а не рациональному согласию. Вообще-то я бы

ry/C. A. Hooker, J. J. Leach, E. K. McClellenen (Eds.). Dordrecht: Reidel, 1978. Vol. 1: Theoretical Foundations. P. 283–310.

33. Niebuhr R. Moral Man and Immoral Society. NY: Scribner's, 1932. P. 11.

34. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. San Diego, CA: Harcourt, 1973. P. 174.

35. Finley M. I. Democracy: Ancient and Modern. London: Chatto and Windus, 1973; см. также: Elster J. Ulysses and the Sirens. Ch. II. P. 8.

больше доверял демократически принятому решению, когда есть меньшинство, голосовавшее против, чем принятому единогласно. Я не имею здесь в виду людей, выражающих предпочтения большинства вместо своих собственных, поскольку полагаю, что механизмы вроде тайного голосования могут предотвратить это. Я имею в виду, что люди могут изменить свои настоящие предпочтения, видя, куда идет большинство. Социальная психология продемонстрировала силу этого «эффекта примыкания»³⁶, в политической теории также известно как «проблема хамелеона»³⁷. Здесь не поможет довод о том, что большинство, к взглядам которого конформист приспосабливает свои, вероятно, пройдет тест на рациональность, даже если этот тест не пройдет его примыкание. Большинство может также состоять из конформистов, каждый из которых присоединился бы к меньшинству, если бы это было возможно.

Чтобы лучше понять это, рассмотрим аналогичный случай неавтономного формирования предпочтений. Мы склонны считать, что человек свободен тогда, когда он может иметь все, что он хочет, или делать все, что он хочет делать. Но тотчас возникает возражение: возможно, он хочет только то, что может получить в результате работы механизма типа «зеленого винограда»³⁸. Мы можем добавить, что при прочих равных условиях человек тем свободнее, чем больше он хочет делать то, что он не свободен делать, так как это показывает, что желания не сформированы адаптацией к возможностям. Ясно, что звучит несколько парадоксально то, что свобода человека тем больше, чем больше желаний он не может реализовать, но по размышлению ясно, что этот парадокс на самом деле является верным утверждением. Сходным образом можно развеять впечатление парадоксальности мнения о том, что можно больше доверять коллективному решению, когда оно не единодушно.

Седьмое возражение отрицает то, что необходимость формулировать свои утверждения в понятиях общего блага очистит желания от эгоистичности. В целом есть много способов достижения общего блага, если под ним понимать только некоторое состояние, Парето-превосходящее сумму нескоординированных индивидуальных решений. Каждое такое состояние, способствуя реализации общих интересов, вместе с тем содержит

36. Классическое исследование этого см.: *Asch S. Studies of independence and conformity: I. A minority of one against a unanimous majority* // *Psychology Monographs*. 1956. Vol. 70. № 9 (416).

37. См.: *Goldman A. Toward a theory of social power* // *Philosophical Studies*. 1972. Vol. 23. P. 221–268.

38. *Берлин И. Философия свободы. Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2001; ср. также: *Elster J. Sour Grapes*. Ch. III.

добавочные выгоды для какой-то конкретной группы, которая будет сильно заинтересована именно в этом состоянии³⁹. Тогда эта группа предпочтет данное состояние из-за этих выгод, хотя и будет аргументировать в пользу него, используя терминологию общего блага. Обычно это состояние будет обосновываться с помощью какой-то каузальной теории (например, описания того, как функционирует экономика), которая будет доказывать, что перед нами не только один из способов достижения общего блага, но единственный путь к общему благу. Экономические теории периода «раннего рейганизма» являются хорошим примером. Я не обвиняю сторонников таких взглядов в неискренности, хотя элемент пустого умствования здесь может иметь место. Поскольку обществоведы имеют такие сильные разногласия относительно того, как функционирует общество, что может быть более человеческим, чем выбор именно той теории, которая обосновывает состояние, выгодное данному лицу? Противопоставление общих интересов частным считается упрощенчеством, так как частные выгоды могут определить то, как индивид думает об общем благе.

Все эти возражения приводят к двум главным идеям. Во-первых, нельзя заранее полагать, что, действуя так, как будто мы уже живем в хорошем обществе, мы тем самым приблизим его установление. Ошибка, на которой основано это «допущение приближения»⁴⁰, была давно раскрыта в экономической «теории субоптимальности»:

Неверно, что ситуация, в которой достигнуто более (но не все) оптимальных условий, необходимо или даже вероятно будет лучше ситуации, в которой достигнуто менее. Отсюда следует, что в ситуации, в которой существует много ограничений, препятствующих достижению Парето-оптимальных условий, снятие любого из этих ограничений может повлиять на благосостояние или эффективность, увеличивая их, уменьшая их или оставляя их неизменными⁴¹.

Аналогом этому в этике будет не знакомая уже идея о том, что некоторые моральные обязательства могут потерять силу, когда другие люди действуют аморально⁴², а скорее, о том, что при-

39. Неплохое рассмотрение этой проблемы см.: *Schotter A. The Economic Theory of Social Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 26ff., 43ff.

40. *Margalit A. Ideals and second bests // Philosophy for Education/S. Fox (Ed.). Jerusalem: Van Leer Foundation*. 1983. P. 77–90.

41. *Lipsey R. G., Lancaster K. The general theory of the second-best // Review of Economic Studies*. 1956–1957. Vol. 24. P. 11–32. P. 12.

42. Это подчеркивается в: *Lyons D. Forms and Limits of Utilitarianism*. Oxford: Oxford University Press, 1965.

рода моральных обязательств меняется в неморальной среде. Когда другие действуют аморально, может возникнуть обязанность уклониться не только от того, что они делают, но и от того поведения, которое было бы оптимальным, если бы ему следовали все⁴³. В частности, немного дискуссии, так же как и немного рациональности или немного социализма, может быть опасно⁴⁴. Если, как об этом говорит Хабермас, свободная и рациональная дискуссия будет возможна только в обществе, покончившем с экономическим и политическим доминированием, то совершенно неочевидно, что ликвидация этого доминирования может быть достигнута с помощью рациональной аргументации. Я не хочу намекать, что это должно произойти с помощью силы, поскольку использование силы для того, чтобы покончить с использованием силы, вызывает очевидные возражения. Но может потребоваться что-то вроде иронии, ораторского искусства или пропаганды, подразумевающей меньшее уважение к собеседнику, чем в идеальной речевой ситуации.

Как будет ясно из этих замечаний, существует большое напряжение между двумя взглядами на соотношение целей и средств в политике. С одной стороны, средства должны в чем-то иметь природу целей, иначе использование неподходящих средств подорвет саму цель. С другой стороны, есть опасность в выборе средств, непосредственно основанных на цели, которую нужно достигнуть, поскольку в неидеальной ситуации они могут скорее отдалить, чем приблизить, цель. Нужно найти тонкий баланс между этими двумя противоположными соображениями. Фактически всегда остается открытым вопрос о том, есть ли горный хребет, по которому мы можем прийти к хорошему обществу, и если да, то похож ли он больше на острие ножа или на плато.

Вторая главная идея, возникающая на основе того, что было сказано, заключается в том, что даже в хорошем обществе, к которому мы, может быть, найдем дорогу, процесс рациональной дискуссии может оказаться хрупким и уязвимым для адаптивных предпочтений, конформности, пустого умствования

43. Ср.: *Hansson B.* An analysis of some deontic logics // *Nous*. 1970. Vol. 3. P. 373–398, а также: *Follesdal D., Hilpinen R.* Deontic logic: an introduction // *Deontic Logic: Introductory and Systematic Readings*/R. Hilpinen (Ed.). Dordrecht: Reidel, 1971. P. 1–35, где обсуждаются «условные обязательства» в рамках деонтической (deontic) логики. Однако не кажется, что эта логика может легко справиться с такой дилеммой, которую я рассматриваю здесь.

44. Относительно опасностей постепенного введения социализма ср., напр.: *Kolm S.-C.* La transition socialiste. Paris: Editions du Cerf, 1977; в качестве возражения против стратегии постепенной социальной инженерии Поппера эта работа упоминается также у: *Margalit A.* Op. cit.

и т. д. Для стабильности и прочности мы нуждаемся в структурах — политических институтах или конституциях, которые могут легко возродить элементы доминирования. Фактически мы всегда будем на политическом уровне сталкиваться с вечными дилеммами индивидуального поведения. Как можно в одно и то же время с помощью правил защищать человека от его не-рационального или аморального поведения и одновременно избежать превращения этих правил в оковы, которые невозможно разорвать даже тогда, когда рационально это сделать?⁴⁵

III

Мне представляется, что в теории Хабермаса ясно изложено: рациональная политическая дискуссия имеет цель, которая и делает дискуссию осмысленной⁴⁶. Политика предполагает принятие содержательных решений и в этой степени является инструментальной. Действительно, идея инструментальной политики может пониматься в более узком смысле, как то, что с помощью политического процесса индивиды реализуют свои эгоистические интересы, но в более широком плане эта идея предполагает только то, что политическое действие — это прежде всего средство достижения неполитической цели, и только во-вторых самоцель.

В этом разделе я анализирую теории, которые переворачивают эти приоритеты и видят главную суть политики в образовательных или других благах, получаемых участниками политического процесса. Я попытаюсь показать, что эти представления внутренне противоречивы или самоопровергаемы. Блага участия — это побочные продукты политической активности. Более того, они *по своей сути* побочные продукты в том смысле, что любая попытка превратить их в главную цель этой активности приведет к их исчезновению⁴⁷. Участие в политической работе действительно может порождать глубокое удовлетворение, но только при условии того, что работа имеет серьезную цель, выходящую за пределы достижения удовлетворения. Если это

45. Ср.: Ainslie G. A behavioral economic approach to the defense mechanisms // Social Science Information. 1982. Vol. 21. P. 735–780 и Elster J. Ulysses and the Sirens. Ch. II. P. 9.

46. Действительно, Хабермас в основном интересуется принципами действия, а не оценкой состояния дел.

47. Ср.: Elster J. Sour Grapes. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. Ch. III, где обсуждается идея того, что некоторые психологические или социальные состояния по своей сути являются побочными продуктами действий, предпринятых для некоторой другой цели.

условие не выполняется, то мы имеем нарциссический взгляд на политику, присутствовавший в различных кампаниях по повышению сознательности (*conscious-raising activities*) прошлого десятилетия.

Но меня прежде всего интересует не политическая активность, а политическая теория. Я постараюсь показать, что некоторые аргументы в пользу политических институтов и конституций являются самоопровергающимися, так как обосновывают эти институты через те последствия, которые по своей сути являются побочными продуктами. Здесь следует провести первоначальное и важное различие между обоснованием конституции *ex ante* и оценки ее *ex post* и на расстоянии. Ниже я продемонстрирую, что Токвиль, оценивая американскую демократию, хвалил ее за те последствия, которые в действительности являются побочными продуктами. В его случае это было очень уместно в качестве аналитической позиции, принятой постфактум и на некотором расстоянии от изучаемой системы. Противоречие возникает, когда те же самые аргументы приводятся заранее, в публичной дискуссии. Хотя создатели конституции могут втайне и иметь в виду подобные побочные эффекты, они не могут без противоречий апеллировать к ним публично.

Кант публично предложил *трансцендентальную формулу публичного права*: «Несправедливы все относящиеся к праву других людей поступки, максимы которых несовместимы с публичностью»⁴⁸. Поскольку те примеры, которые сам Кант приводит для иллюстрации этого принципа, достаточно туманны, я обращусь к Джону Ролзу, который также вводит условие публичности как ограничение на то, что стороны могут выбрать в исходном положении⁴⁹. Более того, он доказывает, что это условие отдает предпочтение его собственной концепции справедливости перед утилитаристской⁵⁰. Если бы утилитаристские принципы справедливости были приняты открыто, это привело бы к более низкой самооценке, так как люди чувствовали бы, что с ними обращаются не совсем как с целью. При прочих равных условиях это повлекло бы к уменьшению средней полезности. Таким образом, возможно то, что публичное принятие двух ролзовских принципов справедливости даст больше средней полезности, чем публичное принятие утилитаризма, хотя и меньше, чем тайная утилитаристская конституция, спущенная сверху. Последнее, однако, исключено благодаря условию

48. Кант И. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 303.

49. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. С. 124.

50. Там же. С. 137 слл., особ. С. 145.

публичности. Поэтому утилитарист не может публично защищать два принципа Ролза на основе идей утилитаризма, хотя может их приветствовать на тех же основаниях. Тот факт, что два принципа максимизируют полезность, в сущности, является их побочным продуктом; если принять эти принципы на том основании, что они максимизируют полезность, они перестанут это делать. Утилитаризм поэтому является самоопровергающимся в кантовском смысле: «Ему, в сущности, не хватает открытости»⁵¹.

Дерек Парфит выдвинул аналогичное возражение против консеквенциализма действий (*act-consequentialism*) и предположил, как можно на него ответить.

Это ставит перед всеми одну общую цель: наилучший возможный результат. Если мы попытаемся достигнуть его, часто у нас это не будет получаться. Даже когда это будет получаться, стремление к результату может сделать результат хуже. Консеквенциализм действий, таким образом, может быть косвенно самоопровергающимся. Что это доказывает? Консеквенциалист может сказать: «Это показывает, что консеквенциализм действий должен быть только частью нашей моральной теории. Он должен быть той частью, которая относится к успешным действиям. Когда мы уверены в успехе, мы должны стремиться к наилучшему результату. Более же широкая теория будет выглядеть так: нам следовало бы иметь такую цель и такие склонности, обладание которыми сделают результат наилучшим. Эта более широкая теория не будет самоопровергающейся. Таким образом, ответ на возражение дан»⁵².

Однако в предпоследнем предложении присутствует двусмысленность в слове «следовало бы». Неясно: то ли нам говорят, что хорошо иметь некоторые цели и склонности, то ли что мы должны стремиться их иметь. Последнее немедленно порождает проблему того, что обладание некоторыми целями и склонностями — то есть определенным типом личности — по своей сути представляет побочный продукт. Когда инструментальная рациональность является самоопровергающейся, мы не можем на инструментальных основаниях отказаться от нее, не более чем мы можем заснуть, решив не пытаться засыпать. Хотя непосредственность может быть очень ценной с утилитарной точки зрения, «нельзя одновременно по-настоящему иметь это качество и уверять себя, что, хотя оно независимо, креатив-

51. Williams B. A. O. Op. cit. P. 123.

52. Parfit D. Prudence, morality and the prisoner's dilemma // Proceedings of the British Academy. Oxford: Oxford University Press, 1981. P. 554.

но и свободно от расчетов, оно также приносит наилучший результат»⁵³.

Токвиль сделал, на первый взгляд, парадоксальное утверждение, что демократии хуже, чем аристократии, справляются с долгосрочным планированием, но тем не менее в долгосрочной перспективе превосходят последние. Парадокс перестает быть таковым, когда видишь, что первое утверждение рассматривает время на уровне акторов, а второе — на уровне наблюдателя. С одной стороны, «демократии нелегко увязывать все детали крупного дела, останавливаться на каком-либо замысле и упорно проводить его в жизнь, несмотря на препятствия. Она не способна тайно принимать какие-либо меры и терпеливо ждать результатов»⁵⁴. С другой стороны, «демократическое правительство укрепит с течением времени реальные силы общества, но оно не сумеет объединить одновременно в одном месте столько сил, сколько может объединить аристократическое правительство»⁵⁵. Последняя идея подробнее развивается в следующем фрагменте главы «Реальные преимущества демократической формы правления для американского общества»:

Возникающая при демократической форме правления непрерывная деятельность в политической сфере переходит затем и в гражданскую жизнь. Возможно, что, в конце концов, именно в этом и состоит основное преимущество демократии. Ее главная ценность не в том, что она делает сама, а в том, что делается благодаря ей. Конечно, народ нередко очень плохо ведет государственные дела, но, по мере того как он занимается ими, круг его идей расширяется, и он освобождается от присущей ему косности... Демократия — это не самая искусная форма правления, но только она подчас может вызвать в обществе бурное движение, придать ему энергию и исполинские силы, неизвестные при других формах правления. И эти движения, энергия и силы при мало-мальски благоприятных обстоятельствах способны творить чудеса. Это и есть истинные преимущества демократии⁵⁶.

Преимущества демократии, в основном и по своей сути, являются побочными продуктами. Провозглашаемая цель демократии — быть хорошей формой правления, но Токвиль утверждает, что в этом отношении она уступает аристократии, рассматриваемой чисто как аппарат принятия решений. Но сама деятельность демократического управления в качестве побочного про-

53. Williams B. A. O. Op. cit. P.131, а также: Elster J. Explaining Technical Change. Ch. II. P.3.

54. Де Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С.182.

55. Там же. С.179.

56. Там же. С.191–192.

дукта порождает энергию и активность, что идет на пользу промышленности и порождает процветание.

Если мы примем на веру это утверждение, может ли оно быть публичным обоснованием для установления демократии в стране, где раньше ее не было? Вопрос более сложен, чем можно подумать, исходя из того, что было сказано мной ранее, поскольку качество принимаемых решений — не единственное соображение при выборе политической системы. Решающими могут оказаться также доводы от *справедливости*. Но неизбежно следующее заключение: если система не имеет преимуществ в смысле справедливости или эффективности, невозможно публично и непротиворечиво выступать за ее введение только на основе побочных эффектов. Должен быть смысл в самой демократии как таковой. Если люди готовы принять новую систему в силу ее внутренних преимуществ, другие блага могут потом последовать, но сами они не могут быть мотивирующей силой. Если демократия вводится в каком-то обществе только потому, что она оказывает положительный побочный эффект на экономическое процветание, и никто не верит в демократию на других основаниях — данных побочных эффектов не будет.

Токвиль, однако, не утверждал, что политическая активность есть самоцель. Обоснование демократии обнаруживается в ее последствиях, хотя и не предполагавшихся, как хотелось бы сторонникам чисто инструменталистских представлений. Ближе к идее самоценности политики аргумент Токвиля в пользу суда присяжных: «Не знаю, приносит ли пользу суд присяжных тяжущимся, но убежден, что он очень полезен для тех, кто их судит. Это одно из самых эффективных средств воспитания народа, которыми располагает общество»⁵⁷. Это все еще инструменталистский взгляд, но разрыв между целью и средствами уже меньше. Токвиль никогда не утверждал, что демократия делает политиков более процветающими, а отмечал только то, что она способствует всеобщему процветанию. По контрасту с этим, обоснование суда присяжных обнаруживается в ее влиянии на самих присяжных. И, так же, как это было сказано выше, этот результат не достигался бы, если бы присяжные верили, что главным смыслом судебных заседаний является развитие их духа гражданственности.

Джон Стюарт Милль не только приветствовал, но и защищал демократию именно на основании таких ее воспитательных эффектов. Он выступал оппонентом чисто инструментальных воззрений на политику (каковые были у его отца, Джеймса

57. Там же. С. 212.

Милля)⁵⁸ и был предшественником теории демократии участия⁵⁹. В его теории разрыв между средствами и целью в политике еще уже, поскольку он рассматривал политическую активность не только как средство самосовершенствования, но и как источник удовлетворения, и, таким образом, как благо само по себе. Как заметил Альберт Хиршман, этим подразумевается, что «благо коллективного действия для индивида выражается не в разнице между результатом, на который он надеется, и затраченными усилиями, а в сумме обеих величин»⁶⁰. Но сам этот способ перефразировать Милля указывает на одну трудность. Возможно ли на самом деле, чтобы участие было благом даже тогда, когда ожидаемый результат не достигается, как это вытекает из формулы Хиршмана? Разве усилия — это не следствие надежды на результат, так что только последний является независимой переменной? Когда Милль критически отзываясь об ограниченности Бентама, чья философия «может научить организовывать и регулировать только *практическую* часть социальной системы»⁶¹, он, как представляется, ставит телегу впереди лошади. Непрактическая часть политики может быть еще более важна, но ее ценность зависит от ценности практической части.

Чтобы найти совершенно развитую версию неинструментальной теории политики, обратимся к работам Ханны Арендт. Описывая разницу между частной и публичной сферой в Древней Греции, она утверждает, что

для не справившихся с жизненно необходимыми хозяйственными делами ни жизнь, ни «хорошая жизнь» невозможны, однако политика никогда не существует просто ради выживания. Что касается обитателей полиса, то для них жизнь внутри хозяйственной сферы вообще существует только ради «хорошей жизни» в полисе⁶².

Открытое, публичное пространство было отведено именно для непосредственного, для индивидуальности; это было един-

58. Ср.: Ryan A. Two concepts of politics and democracy: James and John Stuart Mill // Machiavelli and the Nature of Political Thought / M. Fleisher (Ed.). London: Groom Helm, 1972. P. 76–113. Его противопоставление «двух пониманий демократии» отчасти соответствует различию между первой и второй из рассмотренных здесь теорий, отчасти — различию между первой и третьей, так как он нечетко отделяет публичное понимание политики от неинструментального.

59. Pateman C. Participation and Democratic Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 29.

60. Hirschman A. Shifting Involvements. Princeton: Princeton University Press, 1982. P. 82.

61. Mill J. S. Essay on Bentham // Mill J. S. Utilitarianism. London: Fontana Books, 1962 (1863). P. 105.

62. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетея, 2000. С. 50.

ственное место, где каждый должен был уметь показать, чем он выбивается из посредственности, чем он на деле в своей незаменимости является. Ради этого шанса достичь необычайного и видеть подобные достижения, из любви к политическому самостоянию граждане полиса более или менее с охотой брали на себя свою часть судопроизводства, защиты, управления государством — груз и тяготу не социальной рутины, а государственных дел⁶³.

Этому мы можем противопоставить воззрения на греческую политику, изложенные в работах М. И. Финли. Задаваясь вопросом, почему афинский народ настаивал на праве каждого гражданина говорить и вносить предложения на народном собрании, но реально предоставлял делать это немногим, он находит, что «часть ответа в том, что *демос* осознавал инструментальную роль политических прав и, в конечном счете, был более озабочен содержанием решений; он удовлетворялся правом выбирать, смещать и наказывать политических лидеров»⁶⁴. В другом месте он пишет еще более определенно: «Тогда, как и сейчас, для большинства людей политика была средством, не всепоглощающим интересом и не самоцелью»⁶⁵. В противоположность тому, что утверждает Арендт, обладание или возможность использования политических прав может быть более важна, чем их реальное применение. Более того, даже само применение приобретает ценность благодаря принимаемым решениям. Описывая народные собрания в американских городках, Арендт утверждает, что граждане участвовали «не исключительно из чувства долга, не (еще в меньшей степени) для удовлетворения своих собственных интересов, но в основном потому, что получали удовольствие от дискуссий, рассуждений и принятия решений»⁶⁶. Здесь телега хотя и не ставится впереди лошади, но рядом с лошадью. Хотя дискуссии и размышления в других контекстах могут быть самостоятельными источниками наслаждения, удовлетворение, получаемое от политической дискуссии, основывается на принятии решений. В политике обсуждается вопрос «что делать?», а не вопрос о том, что должно иметь место. Практическая цель, а не предмет, делает дискуссию политической.

Политика в этом отношении сопоставима с такими видами деятельности, как искусство, наука, спорт или шахматы. Заня-

63. Там же. С. 55.

64. *Finley M. I. Economy and Society in Ancient Greece*. London: Chatto and Windus, 1981. Ch. 5. P. 83.

65. *Idem. Politics // The Legacy of Greece*/M. I. Finley (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 1981. P. 31.

66. *Arendt H. Op. cit.* P. 119.

тия ими могут принести массу удовольствия, если у вас есть независимо определенная цель, например, «навести порядок» или «победить оппозицию». Шахматист, который станет утверждать, что он играл не для того, чтобы победить, но во имя изящества в игре, будет жертвой нарциссического самообмана, поскольку нет изящных способов проиграть, но есть только изящные или неизящные пути к победе. Когда художник начинает верить, что его настоящей целью является процесс, а не результат, и что дефекты и ошибки ценны как свидетельства творческих усилий, то он также лишается возможности представлять для нас какой-либо интерес. Это же верно и по отношению к Э. П. Томпсону, который, когда его спросили, действительно ли он верит, что митинг на Трафальгарской площади что-то изменит, ответил: «Дело не в этом, не так ли? Дело в том, что он показывает, что демократия жива... Подобный митинг вселяет в нас уважение к самим себе. Чартизм был крайне полезен для чартистов, хотя Хартию они так никогда и не получили»⁶⁷. Очевидно, что чартисты, если бы их спросили, верят ли они в то, что когда-нибудь получат Хартию, вряд ли ответили бы: «Дело не в этом, не так ли?» Именно потому, что они верили в то, что могут добиться Хартии, они участвовали в борьбе за нее со всей серьезностью, которая вселяла в них уважение к себе как побочный эффект⁶⁸.

IV

Я рассмотрел в этой статье три взгляда на соотношение экономики и политики, рынка и форума. Одной крайностью здесь является «экономическая теория демократии», в наиболее вызывающей форме высказанная Шумпетером, но также лежащая в основе теории социального выбора. Это рыночная теория политики, в том смысле, что голосование рассматривается как частный акт, сходный с покупкой и продажей. Поэтому я не могу согласиться с утверждением Алана Райана о том, что «с любой точки зрения на разграничение между общественной и частной жизнью, голосование является элементом общественной жизни человека»⁶⁹. Само различие тайного и открытого голосования показывает, что в политике есть место для разграничения между частным и общественным. Экономическая теория демократии, таким образом, исходит из представления о том,

67. Sunday Times. 2 November 1980.

68. Ср. также: Barry B. Comment // Political Participation / S. Benn et al. (Eds.). Canberra: Australian National University Press, 1978. P. 47.

69. Ryan A. Op. cit. P. 10.

что форум должен походить на рынок, как по своим целям, так и способу функционирования. Цель определяется в экономических терминах, способ функционирования заключается в агрегировании индивидуальных решений.

Другая крайность — представление о том, что форум не должен иметь ничего общего с рынком, как в целях, так и в институтах. Форум должен быть чем-то большим, чем масса индивидов, стоящих в очереди к кабинке для голосования. Гражданство есть качество, которое может быть реализовано только публично, в коллективе, объединившемся для достижения общей цели. Но этой целью не является облегчить жизнь в материальном смысле. Политический процесс — это самоцель, благо или даже высшее благо для тех, кто в нем участвует. Следует приветствовать воспитательное воздействие политики на ее участников, но блага не иссякают, когда воспитание закончено. Напротив, воспитание ведет к предпочтению общественной жизни как самоцели. Политика, с этой точки зрения, существует не для чего-то. Это соревновательная демонстрация совершенства⁷⁰, или коллективная демонстрация солидарности, отделенная от принятия решений и воздействия на события.

Между этими двумя крайностями находится воззрение, которое я нахожу наиболее привлекательным. Можно утверждать, что форум должен отличаться от рынка способом функционирования, но заниматься принятием решений, которые в конечном счете касаются экономики. Даже политические решения высшего уровня затрагивают правила низшего уровня, которые непосредственно связаны с экономикой. Поэтому в спорах о конституции, о том, как должны приниматься и изменяться законы, постоянно упоминается влияние стабильности и изменений в законодательстве на состояние экономики. Актуальность политическим дебатам придает внимание к содержательным решениям. Всегда существующие временные ограничения порождают необходимость в собранности и сосредоточенности, которые не укладываются в рамки досужих философских дискуссий, для которых путь важнее цели. Но в рамках этих ограничений аргументация составляет ядро политического процесса. Политика, определенная как «публичная по природе и инструментальная по целям», займет должное место в обществе.

Перевод с английского Сергея Моисеева

70. Блестящее замечание об этом не-инструментальном отношении среди элиты древнего мира см.: *Veyne P. Le pain el le cirque. Paris: Seuil, 1976.*